

УДК 81'373.45:821.161.1Чехов-2
ББК 81.2Рус-3

Е.В. Суровцева

**ИНОЯЗЫЧНЫЕ
ВКРАПЛЕНИЯ
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ПРОЗЕ И ДРАМАТУРГИИ
А.П.ЧЕХОВА:
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ
РЕЗУЛЬТАТЫ***

В статье описываются и анализируются иноязычные вкрапления в художественной прозе и драматургии А.П. Чехова. Данная работа выполнена в русле исследования языка писателя, осуществляемого лабораторией общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Ключевые слова: *иноязычные вкрапления, проза А.П. Чехова, драматургия А.П. Чехова.*

Суровцева Екатерина Владимировна – канд. филол. наук, сотрудник лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова

Тел.: (495) 939-31-78; 8-910-471-89-00
E-mail: surovceva-ekaterina@yandex.ru

©Суровцева Е.В., 2011 г.

В статье проанализированы 583 прозаических и 17 драматических текстов писателя (общий объём материала – более 34000 слов и 1250000 словоупотреблений). Тексты произведений анализировались по академическому изданию (Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем. В 30 томах. М.: Наука, 1974 – 1983). Анализу не подвергались произведения с пометой «dubia», «незаконченное», «коллективное», «редактированное», а также письма, официальные и деловые бумаги, гимназические, стихотворные опыты, подписи к рисункам и записи в альбомах, статьи, «Остров Сахалин» и «Из Сибири».

Анализ иноязычных вкраплений в русских текстах представляется чрезвычайно важным аспектом изучения языка художественного произведения. Иноязычные вкрапления различаются по объёму, воспроизведению на соответствующем языке или транслитерации, соотношению с ближайшим контекстом и по другим основаниям [Леонтьев]. Они участвуют в формировании авторского стиля и являются одной из его ярких характеристик. Данному вопросу посвящены исследования как лингвистов, так и литературоведов [Листрова, 1979; Листрова-Правда, 1986, 1999, 2001; Соболева; Чернец, 2007, 2008]. Под данным углом зрения начали изучать и творчество А.П. Чехова [Дрянгина; Федотова].

* Статья представляет собой переработанный доклад, представленный автором на IV Международном Конгрессе исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (20-23 марта 2010 года, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова) [Суровцева, 2010].

В данной статье представлены предварительные результаты анализа иноязычных вкраплений в прозе и драматургии А.П. Чехова.

А.П. Чехов приводит иноязычные слова и выражения (всего в анализируемых произведениях писателя около 800 иноязычных словоупотреблений) на языке оригинала и в транслитерации, обыгрывая особенности немецкого (*Blutgeld, Dienstag* и пр.), латинского (*amicus, ergo, kalii bromati* и пр.), французского (*adieu, beau monde, le comte* и пр.), английского (*lawn-tennis*), сербского (живио), польского («Не пепши, Петше, пепшем вепша, бо можешь пшепепшитсь вепша пепшем»), испанского (*diablo*) языков в речи персонажей. Проанализируем наиболее важные иноязычные вкрапления в текстах А.П. Чехова – из латинского, немецкого, французского, греческого языков.

Самыми частотными в прозе А.П. Чехова являются латинские слова и выражения. На наш взгляд, это объясняется тем, что латинский язык в конце XIX – начале XX в. был одним из основных гимназических предметов и знание его считалось признаком образованности. Латинские слова используются в том случае, когда персонажи стремятся скрыть истинные мотивы, чувства, желания. Латинизмы становятся «языком социального статуса», выступают в качестве своеобразной маски. Подтверждение такой трактовки находим в реплике Кулыгина («Три сестры»): «*Что ж! Так принято, это modus vivendi. Директор у нас с выбритыми усами, и я тоже, как стал инспектором, побрился*» [Чехов, 13, с. 174]). Латынь используется чеховскими персонажами также в режиме ссылки на авторитет, в качестве аргументации своего мнения. Например, в речи Коврина («Чёрный монах»): «*Римляне говорили: mens sana in corpore sano*» [Чехов, 8, с. 243]. Другой вариант – ироническое употребление, основанное на смешении высокого и низкого: когда в одном контексте используется латинское выражение и элементы разговорной (просторечной, бранной) лексики. Таков, скажем, рассказ филолога Михаила Фёдоровича («Скучная история»): «*Удивляюсь, как это наша alma mater... решаетя показывать публике таких балбесов и патентованных тупиц, как этот ZZ*» [Чехов, 7, с. 285] или реплика Кулыгина («Три сестры»): «*Назююкался, Иван Романыч! Молодец! In vino veritas...*»

Столкновение в одном контексте латыни и русского языка высвечивает важную для А.П. Чехова идею невозможности диалога. Так, Маша и Кулыгин разговаривают в прямом смысле на разных языках. На своем – латинском – языке говорит Кулыгин: «*Feci quod potui, faciant meliora potentes*» [Чехов, 13, с. 133], «*Omnia mea tecum porto*» [Чехов, 13, с. 165], «*Mens sana in corpore sano*» [Чехов, 13, с. 133] и т. д. Однако единственная реакция Маши – это раздражение: «*amo, amas, amat, amatus, amatis, amant*» [Чехов, 13, с. 165]. Показательно, что история тотальной «коммуникативной неудачи» рассказана именно Кулыгиным: «*В какой-то семинарии учитель написал на сочинении “чепуха”, а ученик прочёл “реникса” – думал, по-латыни написано*» [Чехов, 13, с. 174].

В рассказе «Репетитор», по мнению авторов примечаний к академическому собранию сочинений А.П. Чехова Л.М. Долотовой, Л.Д. Опульской и А.П. Чудакова, латынь выступает как объект изучения и преподавания. В этом рассказе «очевидно, <...> отразился личный опыт Чехова, занимавшегося репетиторством в последние гимназические годы» [Чехов, 2, с. 547]. А.П. Чехов переосмысливает этот опыт в пародийном ключе, показывая, как с помощью наказаний преподаватели заставляют учеников зазубривать фразы и падежи, смысл которых остаётся для учеников неясным: «Склоняйте *fructus!* <...> Ну, скажите мне, как будет звательный падеж от *meus filius?*» [Чехов, 2, с. 336 – 337]. Показательно, что репетитор, требующий от своего подопечного знания латинской грамматики, не может решить элементарной арифметической задачи.

Другой источник иноязычных вкраплений – немецкий язык. Немецкие выражения используются писателем при обозначении ситуации встречи, столкновения представителей русской и немецкой культур: «Обедал я, знаете ли, однажды у одного немца... После обеда спрашиваю я у одного господина, тоже немчуры, как сказать по-немецки: “Покорнейше вас благодарю за хлеб, за соль”? А он мне и говорит... и говорит... Позвольте-с... И говорит: “Их либе дих фон ганцен герцен!” А это что значит?»

– Я... я люблю тебя, – перевёл немец, стоявший за стойкой, – от всей сердцы!

– Ну вот! Я подошёл к хозяйской дочке, да так прямо и сказал... С ней конфуз... Чуть до истерики дело не дошло... Комиссия! Прощайте-с!» («Забыл!») [Чехов, 1, с. 128].

Говоря о немецких вкраплениях, стоит особо остановиться на выражении «хапен зи гевезен» («На магнетическом сеансе», «Из огня да в полымя»), так как это выражение имеет предысторию. И.С. Тургенев ещё в 1853 г. в повести «Два приятеля» употребил в речи персонажа выражение «хабен зи гевезен» – бессмысленное сочетание двух немецких глаголов, бытовавшее в чиновничьей среде как обозначение взятки (по ассоциации с русским «хапать»). «Одно только, чай, досадно: теперь уж нельзя хабен зи гевезен, – и Михей Михеич представил рукой, как будто поймал что-то в воздухе и сунул себе в боковой карман» [Тургенев, 6, с. 51]. У А.П. Чехова то же иносказание становится более прозрачным.

Предварительный анализ французских вкраплений в произведениях А.П. Чехова показал, что достаточно много французских слов встречается в текстах, посвящённых жизни людей искусства. Привычные обращения типа *m-me* и *m-lle* (отметим, что в ряде текстов употребляется и «прижившееся» на русской почве слово «мадам» и ироническое образование «мадама», написанные кириллицей) зачастую используются в произведениях именно данной тематики (*m-me* Таннер из «Жён артистов», *m-me* Бланшар и *m-lle* Тюрьи из «Ненужной победы»), хотя, разумеется, не только в них (*m-me* Сомова из «Розового чулка», *m-me*

Навагина и m-me Шумихина из «Володи»). Французские выражения встречаются и там, где речь идёт о системе образования. Так, в «Дачнице» упоминается «классная дама m-lle Morceau» (обратим внимание на то, что и фамилия имеет французское написание) [Чехов, 3, с. 11].

В ряде произведений французский язык выступает как язык общения в светском обществе и как признак образованности говорящего («Неприятная история», «Три сестры», «Вишнёвый сад», и др.). В некоторых случаях французские выражения, как и латинские, используются для подтверждения своих слов: «*Прошу вас, убедительно, извините и... и останьтесь. Tout comprendre, tout pardonner*» («Переполох») [Чехов, 4, с. 337].

Греческие вкрапления в прозе А.П. Чехова не менее важны для понимания особенностей стиля писателя, хотя намного менее частотны, нежели вкрапления латинские, немецкие, французские. Прежде всего, греческие выражения встречаются в рассказах «Случай с классиком» и «Человек в футляре». Как известно, в рассказе «Случай с классиком» греческий колорит сказался даже в выборе фамилии преподавателя – Артаксерксов. Греческий язык также определил стиль жизни главного героя рассказа «Человек в футляре»: «*О, как звучен, как прекрасен греческий язык! – говорил он со сладким выражением; и, как бы в доказательство своих слов, прищурился и подняв палец, произносил: – Антропос!*» [Чехов, 10, с. 43]. Вся жизнь Беликова – «антропос», древность, в которой нет места действительности. Как отмечает В.Б. Катаев, «главное для писателя – показать несовместимость беликовского футляра с живой жизнью, с душевным здоровьем – со всем, что было для Чехова «святая святых» [Катаев, с. 24]. Поэтому привязанность к мёртвым языкам – свидетельство того, что и сам Беликов более близок к смерти, чем к жизни (именно поэтому его похороны приносят облегчение). В то же время автор словами Ивана Иваныча, собеседника Буркина, указывает на то, что любой человек может отгородиться от окружающего мира. Разница только в том, что каждый делает это по-своему: кто-то, как Мавра, может всё время сидеть дома, кто-то, как Беликов, может посвятить себя древним языкам.

Следует также отметить наличие вариативности в употреблении иностранных слов: *gran-rond / gran rond, idee-fixe / idee fixe, jeune-premier / jeune premier, kalii bromati / kalium bromatum, lawn-tennis / lawntennis, живьо / живио*. Особый случай – употребление иностранного заимствования в русском языке, уже успевшего до какой-то степени «обрусеть», и иностранного аналога: *a ля / a la, алиби / alibi, анемия / anaemia, атрофия / atrophia, валерьяна / valeriana, варьете / variete, инкогнито / incognito, комильфо / comme il fot* и пр. В данном контексте выделяется ряд *дьявол / diablo / диавло*, один из элементов которого представляет собой русское слово (обрусевшее заимствование), другой – иностранное (на этот раз испанское) слово, третий – иностранное слово, записанное кириллицей. В этом же ряду следует упомянуть и междометие *ax / ah*, иностранное написание которого, видимо, призвано подчеркнуть манерность героя. Один раз встречается русское слово в русской и иностранной огласовке: это слово *мужик / moujik*. Встречаются также различные варианты имён собственных, причём в одних случаях иностранный вариант имени приводится ла-

тиницей, а в других – кириллицей (*Михаил / Мишель / Michel, Христофор / Christophorus*). Ещё один интересный пример – это употребление и русского, и иностранного слова для обозначения лица (*дядя / oncle, тётя / tante*).

В настоящий момент коллективом авторов (О.В. Кукушкина, Е.В. Суровцева, Л.В. Лапоница, Д.Ю. Рюдигер, А.А. Поликарпов, В.В. Федотов) завершается работа над «Частотно-семантическим словарём языка художественных произведений А.П.Чехова (с электронным корпусом текстов)». В словарь будет включён раздел «Компоненты фраз на иностранных языках».

Литература

Дрянгина Е.А. Языковая личность учителя в произведениях А.П.Чехова // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Междунар. конгр. исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филол. факультет, 20 – 23 марта 2010г.) : труды и материалы / составители М.Л. Ремнёва, А.А. Поликарпов. М., 2010.

Катаев В.Б. Сложность простоты. Рассказы и пьесы Чехова. М., 2002.

Леонтьев А.А. Иноязычные вкрапления в русскую речь // Вопросы культуры речи. Вып. 7. М., 1966.

Листрова Ю.Т. Иносистемные языковые вкрапления в русской художественной литературе XIX века. Воронеж, 1979.

Листрова-Правда Ю.Т. Иноязычные вкрапления – библеизмы в русской литературной речи XIX – XX вв. // Вестн. Воронежск. гос. ун-та. Серия 85. Гуманитарные науки. 2001. № 1.

Листрова-Правда Ю.Т. Иноязычные вкрапления и язык А.С.Пушкина // Филол. записки. Вып. 12. Воронеж, 1999.

Листрова-Правда Ю.Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века. Воронеж, 1986.

Соболева Я.И. Функции иноязычных вкраплений в романе В.В. Набокова «Дар» // Сравнительное и общее литературоведение : сб. статей молодых учёных. М., 2010.

Суровцева Е.В. Иноязычные вкрапления в художественной прозе и драматургии А.П.Чехова // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Междунар. конгр. исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М.В.Ломоносова, филологический факультет, 20-23 марта 2010 г.) : труды и материалы / составители М.Л. Ремнёва, А.А. Поликарпов. М., 2010.

Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. М.; Л., 1960 – 1968.

Федотова П.А. Греческий язык и латынь в произведениях А.П. Чехова // Материалы XVII Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов». Серия «Филология». Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 12 – 15 апреля 2010 г. М., 2010.

Чернец Л.В. Иноязычная речь в «Войне и мире» Л.Н. Толстого // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2002. № 5; То же в: Сравнительное литературоведение. Россия и Запад. XIX век: учеб. пособие / под ред. В.Б. Катаева, Л.В. Чернец. М., 2008.

Чернец Л.В. Иноязычные вкрапления и варваризмы в пьесах А.Н. Островского // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Междунар. конгр. исследователей русского языка. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 20 – 23 марта 2007 года. М., 2007.

Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т; письма: в 12 т. М., 1974 – 1983.